

А.А. Лаврова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ПО РЕЧЕВЫМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ ГОВОРЯЩЕГО

Ключевые слова: идентификация, пол, тип психологического состояния, речевое воздействие, эмоциональный компонент, собственно эмоциональная составляющая, псевдоэмоциональная составляющая, синтаксические конструкции

В статье рассматриваются лингвистические классификации, выявляющие корреляционные связи между экстралингвистическими факторами, оказывающими влияние на собственно языковые характеристики речи говорящего, и реализуемыми в речи синтаксическими конструкциями.

A.A. Lavrova

National research university 'Higher school of economics', Nizhny Novgorod

THE PROBLEM OF IDENTIFICATION OF EXTRALINGUISTIC FEATURES ON THE BASIS OF THE SPEAKER'S SPEECH CHARACTERISTICS

Keywords: identification, sex, psychological state, linguistic manipulation, emotional component, emotional constituent, pseudo-emotional constituent, syntactic structures

The article deals with linguistic classifications revealing correlations between extralinguistic factors influencing lingual speech characteristics and syntactic structures produced by the speaker.

Одной из основных задач прикладной лингвистики, связанных с решением таких практических вопросов, как составление языкового портрета личности, определение авторства текста, проведение разнообразных лингвистических экспертиз, является идентификация экстралингвистических признаков (психологических, биологических, социальных и т.д.) на основе речевых характеристик говорящего.

Так, говоря об определении гендерной идентичности по особенностям речи, следует иметь в виду, что гендер в лингвистике традиционно понимается как социально обусловленный фактор, т.е. гендерные различия в поведении, в том числе, и речевом, определяются социально-культурными предпосылками (Словарь гендерных терминов, 2002). Тем не менее, есть основания предполагать, что различия в речи мужчин и женщин могут иметь не только социально обусловленные, но и биологические причины, т.е. в

данном случае следует говорить не о феномене гендера, а о биологическом поле (Горошко, 1996; Гриценко, 2005; Кирилина, 1999; 2001; Лакофф, 2001; Таннен, 1996; Lakoff, 2000; Preston, 1993).

Исследования показывают, что в некоторых ситуациях влияние социально обусловленных факторов на речь говорящего в целом (и влияние гендера на речь в частности), может быть нивелировано (Спивак, 1998). К таким «фильтрующим» факторам, относится, например, аффект (Синеокова, 2009). В состоянии аффекта говорящий «забывает» о том, как он «должен» себя вести в соответствии со своим социальным статусом, т.е. определяющим здесь становится не социальный фактор гендера, а биологический фактор пола – мужского или женского.

При этом под аффектом понимаются принципиально нормальные функциональные состояния психики. В данном случае аффект это не болезненное или острое кратковременное психическое расстройство, характеризующееся глубоким помрачением сознания, бредом, галлюцинациями, бурным двигательным возбуждением, автоматическими действиями и амнезией совершенных действий (т.н. патологический аффект), а временное психическое изменение, не носящее болезненного характера (физиологический аффект). Причинами возникновения физиологического аффекта могут быть факторы, угрожающие жизни человека, связанные с его биологическими инстинктами и потребностями, поступки и высказывания окружающих, социальные оценки, глубоко затрагивающие самооценку человека (Синеокова, 2003).

При исследовании особенностей мужской и женской речи в состоянии аффекта было выделено семь конструкций, которые могут служить основанием для идентификации пола говорящего, находящегося в состоянии аффекта (Лисенкова, 2007). Так, следующие конструкции реализуются в женской аффективной речи:

– аффективы-вокативы формы «имя» или «имя + междометие» с восклицательной интонацией:

Robert! Oh Robert!;

– аффективы-вокативы формы «имя» или «имя + междометие» с невосклицательной интонацией:

Robert. Oh Robert.;

– простые по структуре междометия, реализуемые с восклицательной интонацией:

Oooh!;

– упреки в форме специального риторического вопроса:

How do you dare call me girl?

Для мужской речи характерны:

– общие риторические вопросы отрицательной формы:

Have you no shame?;

– придаточные изолированные восклицательные предложения:

What do you mean you're quitting! Right now? Right in the middle? Right – Right before I have to fly to Minnesota and be killed!;

– несобственно-отрицательные предложения в форме апеллятивного общего вопроса:

Do we want to do her a favor of 30 or 40 years in jail?

По синтаксическим конструкциям, реализуемым в состоянии аффекта, возможна также идентификация типа психологического состояния, в котором находится говорящий (Синеокова, 2003; 2011). Выделяются следующие типы аффекта: состояние диссоциации (диссолюция, дистресс), поисковое состояние и апеллятивное состояние (эвстресс) (Спивак, 1998).

В состоянии диссоциации речемыслительная деятельность человека осуществляется в состоянии практически запредельного возбуждения (истерика, экстаз и т.п.) или торможения (ступор, транс), когда бурно протекающий аффект получает доминантный характер, сознание сужается до круга связанных лишь с ним представлений, а восприятие внешнего мира почти полностью выключается или искажается. Конструкциями, прогнозирующими диссоциативное состояние, являются эхололический повтор (1), артикуляторные персеверации (2) и обрыв гипотетического синтаксического целого (3):

1) *Miss Mossie. ...And I've brought in a few kind friends to help me.*

Mulligan (rising from his chair in blank surprise, and almost echoing Miss Mossie). A few friends to help you? (O'Casey, 1951);

2) *Martha (a howl which weakens into a moan). NOOOOOOooooooo.* (Albee, 1965);

3) *Nina (savagely). But you're – you're – I mean, you...* (O'Neill, 1958).

При пограничном адаптационном поисковом состоянии говорящий стремится преодолеть деформирующее воздействие аффективных процессов на сознание. Выполнение коммуникативной задачи осложняется затруднениями в выборе смысловых и структурных компонентов высказывания, адекватных цели коммуникации. Конструкциями, позволяющими идентифицировать поисковое состояние, являются разрыв-паузатор (1), ложный повтор (2), корректирующая инверсия (3) и повтор-подлинный переспрос (3):

1) *Lady. No, no, I didn't write you no letter about it; I was proud then; I had pride. But I had your child in my body the summer you quit me, that summer they burned my father in his wine garden, and you, you washed your hands clean of any connection with a Dago bootlegger's daughter and – (her breathless voice momentarily falters and she makes a fierce gesture as she struggles to speak.) – took that – society girl that – restored your homeplace and gave you such – (Catches breath) – wellborn children...* (Williams, 1964);

2) *Man (terrified). I... I won't do it again....* (Fugard, 1968);

3) *Evans (tenderly). Ned told me – the secret – and I'm so happy, dear!*

Nina (stammering). Ned told you – what? (O'Neill, 1958).

В апеллятивном состоянии аффект оказывает благотворное влияние на речемыслительные процессы. При этом говорящему, находящемуся в состоянии эмоционального напряжения, свойственно стремление поддержать

положительные и погасить отрицательные аффективные состояния. Учет данных особенностей мотивации деятельности говорящего, находящегося в состоянии аффекта, позволяет сделать вывод о том, что воздействие на собеседника входит в его интенцию и является одной из коммуникативных задач. К конструкциям, прогнозирующим апеллятивное состояние, относятся повтор-подтверждение / отрицание, повтор-побуждение, обрыв потенциального синтаксического целого, разрыв-эмфатизатор, уточняющий разрыв, вопросно-ответное единство (1), эллиптические предложения-эмфатизаторы, изолированные предложения-апеллятивы, несобственно-утвердительные, несобственно-отрицательные (2), несобственно-побудительные предложения и эмфатизирующая инверсия:

1) *Birdie (Begins to laugh hysterically). You know what? In twenty-two years I haven't had a whole day of happiness.* (Hellman, 1942);

2) *Harry (shouting). Tell your mother to stop it, she's the cause, it's her row. Don't you know your mother by now?*

Sarah. I'm the cause? Me? You hear him, Ada, you hear him? I'm the cause! (Wesker, 1959).

Прогноз типа психологического состояния возможен не только на уровне отдельных конструкций, но и на уровне высказывания, т.е. при этом учитывается комбинаторика разных конструкций, или т.н. уникальные структуры. Например, одиночное использование разрыва-паузатора позволяет идентифицировать поисковое состояние (см. пример выше), а сочетание разрыва-паузатора с междометным предложением – состояние диссоциации (Синеокова, 2008):

Lady... (Then suddenly she falters, catches her breath in a shocked gasp and awkwardly retreats to he stairs. Then turns screaming and runs back down them, her cries dying out as she arrives at the floor level. She retreats haltingly as a blind person, a hand stretched out to VAL as slow, clumping footsteps and hoarse breathing are heard on the stairs. She moans.) – Oh, God! Oh – God!.. (Williams, 1964).

Кроме того, синтаксические конструкции, реализуемые говорящим, могут являться средством определения типа оказываемого на адресата воздействия в ораторской речи.

Как известно, речевое воздействие имеет комплексный характер: оратор стремится воздействовать как на сознание, так и на эмоции реципиента. Не смотря на то, что дифференциация эмоционального и рационального компонентов воздействия крайне сложна, по всей видимости, отдельное изучение выделенных компонентов воздействия все-таки возможно. При этом при исследовании эмоционального компонента речевого воздействия следует учитывать следующие факторы.

Во-первых, воздействие на эмоциональную сферу аудитории предполагает сходство ситуации реализации политического выступления и собственно эмоциогенной ситуации. Оратор во время выступления

намеренно моделирует стандартную эмоциогенную ситуацию (Труфанова, 2003; Шаховский, 2008).

Кроме того, при воздействии на эмоциональную сторону аудитории оратор сознательно употребляет языковые элементы, свойственные аффективной речи. На синтаксическом уровне используются структуры, принадлежащие глубинным уровням языка и сознания и реализуемые в эмоциогенных ситуациях, в том числе, в ситуации аффекта (Блох, 2000; Мажар, 2005; Синеокова, 2003; Спивак, 1998).

В ряде случаев оратор не просто стремится воздействовать на эмоции аудитории, но и сам может находиться в состоянии эмоционального напряжения, т.е. эмоциональный компонент воздействующей речи может иметь две составляющие: псевдоэмоциональную – связанную с моделированием, имитацией эмоций с целью воздействия – и собственно эмоциональную – связанную с выражением психологического состояния самого оратора.

Решающим оказался выбор жанра ораторской речи, в котором эмоциональный компонент воздействия и обе его составляющие присутствуют с наибольшей степенью вероятности. Были выделены факторы, сближающие ситуацию реализации публичного выступления и собственно эмоциогенную ситуацию и, следовательно, влияющие на степень присутствия эмоционального компонента и его составляющих в ораторской речи: спонтанность, устный характер, наличие прямого контакта с аудиторией, степень критичности аудитории по отношению к оратору и др. (Лаврова, 2011). Анализ разных жанров публичного дискурса с точки зрения данных факторов позволил выделить предвыборные теледебаты в качестве искомого жанра. Поскольку коммуникативная ситуация предвыборных теледебатов во многом сближается с ситуацией реализации аффективной речи (устная форма, относительная спонтанность, наличие собеседника и прямого контакта с аудиторией, ориентированность на непрофессиональную аудиторию, высокая степень эмоциональной насыщенности), жанр предвыборных теледебатов в значительной степени реализует не только эмоциональный компонент в целом и его псевдоэмоциональную (имитационную) составляющую, но и его собственно эмоциональную составляющую.

Классификация структурных признаков производилась на основе базы данных высказываний, реализуемых в предвыборных теледебатах и обнаруживающих отклонения от структуры нейтрального «ядерного» предложения. Объем базы данных составляет 2444 высказывания, отобранных методом сплошной выборки из 14 стенограмм предвыборных теледебатов на пост президента и вице-президента США, в которых приняли участие 12 политических деятелей. Статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью приложения Microsoft Access.

При сопоставлении синтаксических конструкций, реализуемых в предвыборных теледебатах и аффективной речи, были выделены 4 группы конструкций: специфические конструкции аффективной речи,

тождественные в обоих типах речи конструкции, сходные в обоих типах речи конструкции, обнаруживающие ряд отличий, а также специфические конструкции предвыборных теледебатов.

К специфическим конструкциям аффективной речи относятся все признаки, прогнозирующие состояние диссоциации (см. выше), что соответствует ожидаемому: если оратор использует данные структуры, он находится в состоянии запредельного возбуждения или торможения и перестает быть ритором-профессионалом. Сознательное использование таких структур с целью воздействия также невозможно, поскольку данные конструкции не способны передавать новой, с точки зрения содержания, информации.

Кроме того, специфическими конструкциями аффективной речи являются, например, квалифицирующая инверсия (1) и предложения-инвективы (2), выражающие эмоциональное отношение говорящего к предмету речи. Использование таких конструкций, содержащих оскорбление собеседника, в предвыборных теледебатах в принципе невозможно:

1) *Sarah (throws a saucer at him). Swine, you! ... Weakling, you!* (Wesker, 1959);

2) *Biff. You fake!* (Miller, 1964).

К тождественным в обоих типах речи конструкциям относятся, например, ложный повтор (1) и разрыв-паузатор (2), возникающие в связи с затруднениями в выборе последующих компонентов высказывания и позволяющие говорящему собраться с мыслями. Данные конструкции прогнозируют поисковое состояние и в предвыборных теледебатах свидетельствуют о том, что оратор находится в состоянии эмоционального напряжения, т.е. являются экспонентами собственно эмоциональной составляющей эмоционального компонента в ораторской речи:

1) *If we do that we start a chain reaction; because the Communists aren't after Quemoy and Matsu, **they're a- they're after Formosa.*** (Nixon);

2) ***And if - and the** – actually this year Congress is doing a little better in controlling the growth of spending.* (Bush Senior).

Частотность употребления данных конструкций отличается в выступлениях разных ораторов: разброс составляет от 0,4% всех высказываний в выступлении Дж. Керри до 35,6% высказываний в выступлении Дж. Картера. Исследование экстралингвистических факторов (темы высказывания, политической ситуации, реакции аудитории, поведения оппонента и др.) позволило бы установить причины относительно высокой или низкой частотности использования данных конструкций.

К сходным конструкциям, имеющим ряд особенностей в аффективной речи и предвыборных теледебатах, относятся повтор-подтверждение / отрицание (1), повтор-побуждение, разрыв-эмфатизатор, уточняющий разрыв (2), обрыв потенциального синтаксического целого, вопросно-ответные единства, эмфатизирующая инверсия, несобственно-вопросительные, несобственно-утвердительные, несобственно-отрицательные и несобственно-побудительные предложения, эллиптические предложения-эмфатизаторы,

изолированные предложения-апеллятивы (данные конструкции прогнозируют апеллятивное состояние), материально избыточные аффективы и вокативы, контактоустанавливающие и уточняющие материально избыточные элементы, предваряющий ориентир, антиципация, абсолютный атрибут, корректирующая инверсия и потенциально сочиненные предложения. Отличия в реализации признаков отражают специфику жанра предвыборных теледебатов и не являются признакообразующими:

1) *My opponent calls it a mistake. It wasn't a mistake.* (Bush Junior);

2) *I hope he hasn't. Because has won the support of a great many people all over the state and I think it's a model for what I hope we can do across the country.* (Dukakis).

Конструкции, прогнозирующие апеллятивное состояние, реализуются в предвыборных теледебатах всеми ораторами. Этот факт объясняется тем, что оказание воздействия на аудиторию является приоритетной задачей выступающего. Данные конструкции используются с целью имитации эмоций и, соответственно, манифестируют псевдоэмоциональную, или имитационную, составляющую эмоционального компонента в предвыборных теледебатах. Частотность их употребления варьируется от 34% высказываний в выступлении М. Дукакиса до 56% в выступлении Дж. Кеннеди.

Не смотря на столь стабильно высокую частотность использования данных конструкций в целом, не все они по отдельности отличаются высокой частотностью. Самый частотный признак – эмфатизирующая инверсия (1) – встречается в выступлениях ораторов в 27% высказываний, а такие известные со времен античности ораторские приемы, как риторический вопрос (несобственно-утвердительные (2) и несобственно-отрицательные предложения (3)) и вопросно-ответное единство (4) – в 1%, 1,7% и 1,4% высказываний соответственно:

1) *And from the beginning, I did vote to give the authority, because I thought Saddam Hussein was a threat, and I did accept that intelligence.* (Kerry);

2) *Are you working harder to put food on the table, feed your children. Are your children getting a better education.* (Dole);

3) *If we could have intervened effectively in the Holocaust, who among us would say that we had a moral obligation not to go in?* (Obama);

4) *So, under the circumstances, what do we do? Well what we do is what the Attorney-General of the United States did under the direction of the President: call in the owners of chain stores and get them to take action.* (Nixon).

По всей видимости, выступающий в данном жанре ораторской речи осознанно избегает чрезмерного употребления таких конструкций, в связи с тем, что их воздействующий потенциал очевиден (повтор-подтверждение / отрицание, повтор-побуждение, разрыв-эмфатизатор, вопросно-ответные единства, несобственно-утвердительные, несобственно-отрицательные и несобственно-побудительные предложения, изолированные предложения-апеллятивы).

Специфические признаки предвыборных теледебатов неоднородны с точки зрения механизма возникновения и представляют собой:

– приемы эмоционального воздействия (повтор-противопоставление):

As a matter of fact – now – I don't advocate amnesty; I advocate pardon. (Carter);

– разрегуляцию в работе органов речи на моторном уровне (артикуляторная редупликация):

*I believe strongly we should **d- do** so in Formosa and I believe we should meet our commitments to every country whose security we've guaranteed.* (Kennedy);

– поисковые конструкции (корректирующий повтор, материально избыточные паузозаполнители), по механизму возникновения напоминающие доминантные признаки поискового состояния, но не реализуемые в аффективной речи при поисковом состоянии:

1) *I think under presidents **For-** uh - Nixon and Eisenhower they passed about 60 to 75 percent of their legislation.* (Carter);

2) *I've just finished reading a book, I think it's called – **what is it called, what is it**, The Demise of the Democratic Party by Ronald Cardash or something talking about all the liberal influences in the administration.* (Dole);

– обрыв нереализованного синтаксического целого представляет собой незаконченное высказывание. Содержание высказывания известно говорящему заранее, но он решает его изменить, поскольку новая мысль, возникшая в процессе речепорождения представляется ему важнее первоначальной; исходное высказывание при этом оказывается незавершенным в структурном и семантическом отношении:

The time line that I've set out – and again, I want to correct the president, because he's misled again this evening on what I've said. (Kerry).

Механизм возникновения материально избыточных паузозаполнителей и корректирующего повтора напоминает механизм возникновения признаков, прогнозирующих поисковое состояние, – заполнение паузы, поиск нужной структуры и / или элементов. Особенностью их реализации в предвыборных теледебатах является то, что они возникают чаще всего в выступлениях ораторов, характеризующихся наибольшим количеством структурных признаков, доминантных для поискового состояния.

На данном этапе исследования представляется невозможным однозначно определить, является ли возникновение корректирующего повтора и паузозаполнителей отражением эмоционального состояния говорящего, или же паузы, их заполнители, повтор в речи оратора в предвыборных теледебатах возникают в данном случае не под воздействием эмоций, а в результате того, что выступление является неподготовленным, спонтанным, высказывания носят развернутый характер и имеют сложную структуру (см. примеры выше). Правомерно предположить, что такие конструкции являются неотъемлемой чертой спонтанной разговорной речи вообще.

В пользу первого предположения (корректирующий повтор и материально избыточные паузозаполнители являются структурами, продуцируемыми при поисковом состоянии) говорит то, что механизмы их реализации и внешние проявления похожи на механизмы реализации и внешние проявления признаков, прогнозирующих поисковое состояние; наиболее часто данные признаки встречаются в выступлениях ораторов, использующих большое количество признаков поискового состояния.

В пользу второго предположения (данные признаки являются характерной чертой неподготовленной спонтанной речи, их реализация не связана с поисковым психологическим состоянием говорящего) служит то, что они являются специфическими признаками предвыборных теледебатов, не зафиксированными в аффективной речи. Сходным представляется и механизм использования артикуляторной редупликации и обрыва нереализованного синтаксического целого.

Возможно, это указывает на то, что существует некое *допороговое* психологическое состояние, которое может быть обозначено как пограничная зона между *диссоциативным, поисковым и апеллятивным состояниями и нормой*, экспонентами которого на лингвистическом уровне являются корректирующий повтор, материально избыточные паузозаполнители, артикуляторная редупликация и обрыв нереализованного синтаксического целого. Для решения этого вопроса требуется отдельное сопоставительное исследование аффективной речи, разговорной речи в целом и различных жанров ораторской речи.

Литература

1. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 56 - 67.
2. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 27 с.
3. Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс: Монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. – 267 с.
4. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. – 180 с.
5. Кирилина А.В. Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций. – М., 2001. – 416 с.
6. Лаврова А.А. Синтаксические особенности реализации эмоционального компонента в политической речи: Монография. – Нижний Новгород: НФ ГУ-ВШЭ, 2011. – 224 с.
7. Лакофф Р. Язык и место женщины // Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С.784 - 798.
8. Лисенкова О.А. Синтаксическая транспозиция в мужской и женской аффективной речи: (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 140 с.

9. Мажар Е.Н. Аффективно-манипулятивный компонент ораторской речи: На материале английского языка: дис. ... канд. фил. наук. – М., 2005. – 177 с.
10. Синеокова Т.Н. Лингвистика измененных состояний сознания: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 151 с.
11. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: Монография. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. – 244 с.
12. Синеокова Т.Н. Работоспособность лингвистических классификаций // Вестник Бурятского государственного университета. Романо-германская филология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009, Вып. 11. – С. 96 - 98.
13. Синеокова Т.Н. Универсальный характер синтаксических конструкций, реализуемых в состоянии эмоционального напряжения // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2011, Вып. 13. – С. 74 - 81.
14. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация – XXI век, 2002. – 256 с.
15. Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 1998. – 351 с.
16. Таннен Д. Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга. – М.: Вече, Персей, АСТ, 1996. – 432 с.
17. Труфанова И.В. Эмоции и речевые акты // Эмотивный код языка и его реализация: Кол. монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 54 - 64.
18. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
19. Lakoff R. You Are What You Say // Exploring Language. – Boston: Little, Brown and Company, 2000. – P.134 - 140.
20. Preston D.R. Sociolinguistics and Second Language Acquisition // Language in Society, 14. – Norfolk: Page Brothers, 1993. – 326 p.

Источники примеров

1. Стенограммы предвыборных теледебатов [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2011. – Режим доступа: <http://www.debates.org/pages>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Albee E. Who's Afraid of Virginia Woolf? – New York, 1965. – 242 p.
3. Fugard A. Blood Knot // New English Dramatists. – London: Penguin Books, 1968. – P. 85 - 176.
4. Hellman L. The Children's Hour // Four Plays by Lillian Hellman. – New York: The Modern Library, 1942. – P. 5-86.
5. Miller A. Death of a Salesman. – New York, 1964. – 139 p.

6. O'Casey S. Oak Leaves and Lavender // Collected Plays. – London, 1951. – P. 1 - 116.
7. O'Neill E. Strange Interlude // Three Plays. – New York: Vintage Books, 1958. – P. 61 - 226.
8. Wesker A. Chicken Soup // The Wesker Trilogy. – London: Penguin Books, 1959. – P. 9 - 78.
9. Williams T. The Rose Tattoo // Three Plays. – New York: A New Directions Book, 1964. – P.1 - 156.

References

1. Blokh M.Ya. Dicteme in level structure of language [Diktema v urovnevoy strukture yazyka] // Voprosy yazykoznaneya. – 2000. – № 4. – S. 56 - 67.
2. Goroshko Ye.I. Features of male and female verbal behavior [Osobnosti muzhskogo i zhenskogo verbalnogo povedeniya]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1996. – 27 s.
3. Gritsenko Ye.S. Language. Gender. Discourse [Yazyk. Gender. Diskurs]: Monografiya. – N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2005. – 267 s.
4. Kirilina A.V. Gender: linguistic aspects [Gender: lingvisticheskiye aspekty]. – M: Izd-vo «Institut sotsiologii RAN», 1999. – 180 s.
5. Kirilina A.V. Theory and Methodology of Gender Studies [Teoriya i metodologiya gendernykh issledovaniy]: Kurs lektsiy. – M., 2001. – 416 s.
6. Lavrova A.A. Syntactic features of the emotional component implementation in political speech [Sintaksicheskiye osobnosti realizatsii emotsionalnogo komponenta v politicheskoy rechi]: Monografiya. – Nizhniy Novgorod: NF GU-VShE, 2011. – 224 s.
7. Lakoff R. Language and women's place [Yazyk i mesto zhenshchiny] // Vvedeniye v gendernyye issledovaniya. Chast II. Khrestomatiya / Pod red. S.V. Zherebkina. – Kharkov: KhTsGI, 2001; SPb.: Aletyya, 2001. – S.784 - 798.
8. Lisenkova O.A. Syntax transposition in male and female affective speech [Sintaksicheskaya transpozitsiya v muzhskoy i zhenskoy affektivnoy rechi]: (na materiale angliyskogo yazyka): Dis. ... kand. filol. nauk. – Nizhniy Novgorod, 2007. – 140 s.
9. Mazhar Ye.N. Affective component of manipulative oratorical speech [Affektivno-manipulyativnyy komponent oratorskoy rechi]: Na materiale angliyskogo yazyka: dis. ... kand. fil. nauk. – M., 2005. – 177 s.
10. Sineokova T.N. Linguistics of changed states of consciousness [Lingvistika izmenennykh sostoyaniy soznaniya]: Uchebnoye posobiye. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet im. N.A. Dobrolyubova, 2008. – 151 s.
11. Sineokova T.N. Paradigmatics of emotional syntax [Paradigmatika emotsionalnogo sintaksisa]: Monografiya. – Nizhniy Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2003. – 244 s.

12. Sineokova T.N. Efficiency of linguistic classifications [Rabotosposobnost lingvisticheskikh klassifikatsiy] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Romano-germanskaya filologiya. – Ulan-Ude: Izdvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2009, Vyp. 11. – S. 96 - 98.

13. Sineokova T.N. The universal nature of syntactic constructs implemented in a state of emotional stress [Universalnyy kharakter sintaksicheskikh konstruktsiy, realizuyemykh v sostoyanii emotsionalnogo napryazheniya] // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova. – Nizhniy Novgorod: GOU VPO NGLU, 2011, Vyp. 13. – S. 74 - 81.

14. Glossary of gender terms [Slovar gendernykh terminov] / Pod red. A.A. Denisovoy / Regionalnaya obshchestvennaya organizatsiya «Vostok-Zapad: Zhenskiye Innovatsionnyye Projekty». – M.: Informatsiya – KhKhI vek, 2002. – 256 s.

15. Spivak D.L. Linguistics of changed states of consciousness [Lingvistika izmenennykh sostoyaniy soznaniya]: dis. ... dokt. filol. nauk. – SPb., 1998. – 351 s.

16. Tannen D. You do not understand me! Why do women and men do not understand each other [Ty menya ne ponimayesh! Pochemu zhenshchiny i muzhchiny ne ponimayut drug druga]. – M.: Veche, Persey, AST, 1996. – 432 s.

17. Trufanova I.V. Emotions and speech acts [Emotsii i rechevyeye akty] // Emotivnyy kod yazyka i yego realizatsiya: Kol. monografiya. – Volgograd: Peremena, 2003. – S. 54 - 64.

18. Shakhovskiy V.I. Linguistic theory of emotions [Lingvisticheskaya teoriya emotsiy]: Monografiya. – M.: Gnozis, 2008. – 416 s.

19. Lakoff R. You Are What You Say // Exploring Language. – Boston: Little, Brown and Company, 2000. – P.134 - 140.

20. Preston D.R. Sociolinguistics and Second Language Acquisition // Language in Society, 14. – Norfolk: Page Brothers, 1993. – 326 p.

Sources of examples

1. Transcripts of TV debate [Stenogrammy predvybornykh teledbatov] [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2011. – Rezhim dostupa: <http://www.debates.org/pages>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. rus.

2. Albee E. Who's Afraid of Virginia Woolf? – New York, 1965. – 242 p.

3. Fugard A. Blood Knot // New English Dramatists. – London: Penguin Books, 1968. – P. 85 - 176.

4. Hellman L. The Children's Hour // Four Plays by Lillian Hellman. – New York: The Modern Library, 1942. – P. 5-86.

5. Miller A. Death of a Salesman. – New York, 1964. – 139 p.

6. O'Casey S. Oak Leaves and Lavender // Collected Plays. – London, 1951. – P. 1 - 116.

7. O'Neill E. Strange Interlude // Three Plays. – New York: Vintage Books, 1958. – P. 61 - 226.

8. Wesker A. Chicken Soup // The Wesker Trilogy. – London: Penguin Books, 1959. – P. 9 - 78.

9. Williams T. The Rose Tattoo // Three Plays. – New York: A New Directions Book, 1964. – P.1 - 156.